

ЕВСТИГНЕЕВ

Евгений Иванович

В армию меня призвали перед самой войной, в мае 41-го. Попал я на секретный аэродром под Шепетовкой, что на Украине. Пока карантин проходили — полтора месяца отслужили, а там и война началась. А какие из нас солдаты, если мы винтовок ещё в руках не держали?!

Помню, утром 22 июня услышали гул самолетов. Наши лётчики сразу определили — фрицы летят. Летели они бомбить Киев, нас же поначалу не трогали. А к вечеру и нас разбомбили. Всё горело, четырнадцать истребителей так в воздух и не поднялись, были уничтожены на земле, а те два, которые всё же взлетели, в воздухе «Мессершмитты» добились.

В первый же день войны прежнего порядка не осталось и в помине — паника была. Нам дан был приказ эвакуироваться. Построили нас в две шеренги. Одну отправили якобы охранять склады, а другую, и меня в том числе, на станцию, а там — в эшелоны и по железной дороге, которую немцы постоянно бомбили, — до Харькова.

Направили меня на учёбу в Воронеж, да не довелось доучиться, фронт и туда подошёл, так сержантом всю войну и прошагал. Был я связистом, а на войне связист чуть ли не самая опасная профессия. В полном обмундировании, с противогазом,

винтовкой да катушкой на плече сколько дорог прошёл, сколько рек форсировал — не перечесть. Днём ли, ночью ли мы должны были связь налаживать. Когда другие отдыхали, мы об этом только мечтали. Приходилось под охраной связь восстанавливать, потому что фашисты за нами просто охотились. Они за нами, а мы за ними...

Меня в войну часто спасало умение хорошо плавать: я на Волге вырос, туда-обратно её переплывал. Когда немцы нас к Дону прижали, те, кто плавать не умели, либо погибли, либо в плен были взяты. То же самое и на реке Оскол было, там течение быстрое, не всякому пловцу под силу, лошади и те тонули. Тогда пришлось мне переправу наводить: переплыл реку, нашёл кусок проволоки, привязал её и обратно. Держась за неё, многие наши ребята, из тех, кто плавать не умел, переправились на другой берег.

В 42-м гитлеровцы перешли в наступление, разделив нас на две группировки. Одни защищали Сталинград, а мы двинулись в направлении Кавказа. Оставили Ростов, прошли через Майкоп и — в горы. Вскоре ранило меня, лечился в госпитале, в Геленджике.

Потом была Курская дуга. Когда Сталинград освободили, нас перебросили под Орёл. Там

формировалась новая армия, пришло пополнение из Сибири, много новой техники, танков. Те бои вспоминать особенно нелегко. Ужас, что творилось, — огонь и смерть. Казалось, горело всё вокруг, днём и ночью.

После мне пришлось форсировать и Днепр, и Одер. А войну закончил в Шпандау, это пригород Берлина, почти как наше Кстово рядом с Нижним. В тот день, когда объявили, что войне конец, мы шли с другом по улице, весёлые, счастливые, и вдруг — выстрел снайпера. Друг мой упал замертво, район оцепили, да разве же найдешь того, кто стрелял...

В 1958 году я устроился газоспасателем на завод, когда служба ещё только организовывалась. В 55 лет ушел на пенсию, пенсионером работал в СРСУ.

22 июля 2000